

О пользе беспамятства

Массовое захоронение жертв гражданской войны в Испании, Эстепар

В 1993 году во время Боснийской войны я, будучи репортером, встретился в Белграде с Вуком Драшковичем — сербским политиком-националистом и писателем, в то время лидером оппозиции, выступавшей против режима Милошевича. Когда я покидал его кабинет, один из молодых помощников Драшковича сунул мне в руки сложенный обрывок бумаги. Единственное, что было на нем написано — 1453. Год падения православного Константинополя перед силами мусульман.

Мои друзья, работавшие на территории бывшей Югославии во время войны, сталкивались с подобным в Загребе и Сараево, разве что даты были другими. Казалось, будто «болячки истории», как их назвал писатель Хьюберт Батлер, не заживали и через пятьсот лет.

И все же, многие достойные люди продолжают следовать знаменитому

утверждению Джорджа Сантаяны: «Тот, кто не помнит своего прошлого, обречен пережить его вновь». Память как разновидность морали стала одной из самых добродетельных истин современности — сегодня принято чуть ли не преклоняться перед необходимостью помнить.

Но часто историческая память приводит к войне, а не к миру, к злобе и обиде, а не к примирению, и формирует решимость отомстить за нанесенные травмы, как реальные, так и надуманные. Именно это произошло на американском юге после 1865 года, где звуки орудий гражданской войны сменила борьба за то, чья версия конфликта — победившего Союза или побежденной Конфедерации — будет считаться верной. Как демонстрирует недавний спор вокруг флага Конфедерации, битва за память продолжается по сей день.

Флаг Конфедерации на мэрии одного из городков в штате Миссисипи

Давайте не закрывать глаза на то, сколь высокую цену общество платит за утешение воспоминаниями. Коллективная историческая память не означает уважение к прошлому. Манипулированием коллективной памятью пользовались почти все партии и режимы.

Более того, иногда шла борьба за «право владения» определенной исторической фигурой, олицетворявшей всю нацию. Так происходило в XIX веке с Жанной д'Арк. Для правых она была символом борьбы Франции с иностранными захватчиками, а для антиклерикальных левых — жертвой церкви, приговорившей ее к сожжению на костре. После того как Ватикан беатифицировал ее в 1909 году, а в 1920 причислил к лику святых, левые лишились возможности тянуть одеяло на себя. Жанна стала объединяющим элементом для крайне консервативного католического движения «Аксьон Франсез», затем, в годы Второй мировой, для правительства Виши, а начиная с 1980-х годов — для французской ультраправой партии «Национальный фронт» (НФ). Не случайно «Национальный фронт» поминает Жанну д'Арк каждое 1 мая, в самый значимый для левых праздник.

Попытки насадить «коллективную память» — чтобы показать, что так же, как Жанна д'Арк в свое время олицетворяла борьбу Франции против английских захватчиков, так же борется в наше время и НФ против мусульман и других иммигрантов — представляют собой грубое искажение истории.

Отец и дочь Ле Пен на параде 1 мая в честь Жанны д'Арк

Манипуляции правых историей Жанны д'Арк столь же некорректны, как попытки социал-демократической Шотландской национальной партии (ШНП) использовать в своих целях Уильяма Уоллеса — дворянина XII века, героя войны Шотландии за независимость (о котором, помимо жутких подробностей публичной казни англичанами в 1305 году, было практически ничего не известно).

Уоллес в том виде, в каком ШНП представляет его избирателям, имеет еще меньше общего с историческим персонажем, чем Жанна д'Арк в интерпретации НФ. Вероятно, за это стоит сказать спасибо Голливуду: ШНП нажилась на нелепом байопике Мела Гибсона о Уоллесе под названием «Храброе сердце». На выходе из кинозалов волонтеры раздавали зрителям листовки: «Вы посмотрели фильм — теперь взгляните на реальность. ...Сегодня независимость выбирают не только храбрые сердца, но и мудрые головы».

Я не призываю к моральной амнезии. С другой стороны, существует проблема чрезмерного запоминания, и в начале XXI века, когда люди по всему миру, как сказал историк Цветан Тодоров, «одержимы новым культом, культом памяти», она кажется намного более опасной.

Не исключено, что в то время как забвение является несправедливым по отношению к прошлому, запоминание становится несправедливостью по отношению к настоящему. Учитывая склонность человечества к агрессии, забывание — несмотря на все связанные с этим жертвы — может быть единственной безопасной реакцией. Есть множество исторических примеров того, как люди забывали прошедшее гораздо раньше, чем можно было предположить. Например, генерал Шарль де Голль внезапно изменил свое мнение, решив, что Франция признает независимость Алжира. Рассказывают, что протестуя, один из его советников воскликнул: «Но было пролито столько крови!» На что де Голль ответил: «Ничто не сохнет быстрее крови».

Так называемый *pacto del olvido* (пакт забвения) между правыми и левыми, стал ключевым в политическом урегулировании, которое восстановило демократию в Испании в 1970-х годах после смерти генерала Франко. Демократический переход произошел благодаря как переписыванию истории, так и простому забыванию. Несметное количество проспектов и бульваров,

названных в честь Франко и его соратников после победы фашистов в 1939 году, были переименованы. Но вместо того, чтобы называть улицы именами республиканских героев и мучеников, испанские лидеры предпочли дать им имена королевской знати былых времен.

Мемориал жертвам гражданской войны в Испании в Долине Павших

С самого начала у пакта было множество противников, и не только со стороны левых. Да и внушительное число тех, кто в целом не был против пакта, считали, что без поддержки комиссий правды, существовавшим в Южной Африке или Аргентине, он не достигнет успеха. В 2008 году судья Бальтасар Гарсон начал расследование гибели 114 тысяч человек, предположительно убитых фашистами во времена гражданской войны и в эпоху правления Франко. Между тем закон об амнистии 1977 года гласил, что люди, совершившие в период гражданской войны убийство или жестокость «с политическим умыслом» освобождались от уголовного преследования. Однако, по мнению Гарсона, «любой закон об амнистии, целью которого является попытка скрыть преступление перед человечеством, не имеет законной силы». Многие из его сторонников в Испании, самые пылкие из которых состояли в Ассоциации по восстановлению коллективной памяти,

приложили огромные усилия, чтобы склонить испанцев в сторону Гарсона ...не сомневаясь, что его действия представляли единственную этически возможную реакцию.

Среди правозащитников есть общая тенденция: представлять закон и мораль как неразделимые сущности. Поскольку большинство из них считают правосудие одним из важнейших факторов поддержания мира, они преуменьшают риск социальных или политических последствий своих действий. Но когда эти последствия все-таки наступали, они обычно заявляли, что с ними должны разбираться политики.

Это можно сказать о конфликте на Балканах, палестино-израильском конфликте, войне в Северной Ирландии. В других случаях вопрос заключается в том, что поражения, победы, раны и обиды, которые сейчас чтят, в будущем следует отпустить. В этот список попадут, скажем, Шри-Ланка, Колумбия и Украина.

Даже траур в конце концов заканчивается, потому что нужно жить дальше. Но некоторые воспоминания кажутся слишком ценными, чтобы расстаться с ними. Подумайте о том, как используют слова «крестовый поход» и «крестоносец» организации вроде «Исламского государства», «Аль-Каиды», etc, а также многие исламские проповедники от Индонезии до пригородов Парижа.

По мнению историка из Кембриджа Пола Коннертона, возросшее в середине XIX века «количество арабских исторических текстов стало делать тему крестоносцев ведущей, превращая этот термин в кодовое слово для описания пагубных намерений западных держав... кульминацией которых стало основание государства Израиль». Коннертон утверждает, что как минимум одним из последствий каждой из арабо-израильских войн стало дальнейшее развитие темы крестоносцев.

«Завоевание Иерусалима крестоносцами в 1099 году», худ. Э.Синьоль, 1847

Крестоносцы в качестве протосионистов! Это типичный случай применения коллективной памяти с целью получения широкомасштабной политической поддержки. И пусть средневековые арабские писания про крестоносцев почти не поддерживают арабскую коллективную память о страданиях того времени — это не имеет никакого значения. Миф может быть изменен, чтобы вдохновить и пленить воображение тех, кому он адресован. Представьте, как обида становится оружием.

Не прошло и двух месяцев после катастрофы 11 сентября, как Усама бен Ладен записал речь, где назвал вторжение США в Афганистан продолжением «долгой истории крестовых походов против Исламского мира». Это явление имело место не только после Первой мировой войны, когда, по словам бен Ладена, «весь исламский мир вздрогнул под натиском крестоносцев — британского, французского и итальянского правительств». По мнению бен Ладена, эти завоевания продолжались непрерывно на протяжении всего XX века, включая Чеченскую войну в России, и действия «крестоносцев Австралии, [которые высадились] на индонезийских берегах... чтобы отделить Восточный Тимор, являющийся частью исламского мира».

Непостижимо, что многие из смотревших речи бен Ладена в соцсетях,

«вспоминают» это крестоносное «прошлое», где в тысячелетний крестовый поход объединяется череда исторических деятелей — от великого христианского рыцаря Королевства Иерусалим Балиана II Ибелина (1143-1193), до Джона Говарда — премьер-министра Австралии, в 1999 году отдавшего распоряжение об отправке австралийских войск в Восточный Тимор.

Очевидно, что это манипулирование историей в худшем смысле этого слова.

Писатель Леон Визельтир предупреждал, что националистические убеждения, укоренившиеся в коллективной памяти, могут «разрушить основанное на опыте мироощущение, необходимое для ответственного применения силы». События, происходящие на Ближнем Востоке — полигоне для безответственного применения силы — подтверждают эту теорию изо дня в день. В качестве примера можно привести осаду Бейрута израильской армией в 1982 году. Тогда премьер-министр Израиля Менахем Бегин заявил, что ЦАХАЛ «окружил нацистов в их собственном бункере», хотя осажденными были не имеющие никакого отношения к нацизму Ясир Арафат и ФАТХ. Это яркий образец того, как коллективная память, рожденная из травмы, находит политическое и, прежде всего, военное выражение.

Израильское государство — пример того, как коллективная память уродует общество. Поселенческое движение по обыкновению призывает к библейской версии истории, которая в той же мере искажает факты, как и исламистские вымыслы о том, что современный Иерусалим — это продолжение средневекового Иерусалимского королевства. На входе в поселение Гиват Асаф на Западном берегу реки Иордан висит плакат: «Мы вернулись домой». «На этом самом месте 3800 лет назад израильская земля была обещана иудеям», — говорит житель поселения Бени Галь. Шани Симковиц вторит ему: «Более 3000 лет назад наши отцы подарили нам землю. И это не Рим и не Нью-Йорк, это земля Израиля».

Как и подобные взгляды, сионистская коллективная память, даже будучи секулярной, мифологична. В 1981 году Амос Элон писал, что израильские археологи «искали не просто знания, но и доказательство своих корней, которые они находили в древнеизраильских руинах по всей стране».

Присяга батальона «Каракаль» на горе Масада

Это наиболее очевидно на примере крепости Масада, руины которой в начале 1960-х годов открыл Игаэль Ядин — вышедший в отставку глава генштаба ЦАХАЛа, ставший археологом. Именно в Масаде еврейские zeloty, поднявшие восстание против Рима в 70 году н. э., были загнаны в угол и совершили массовое самоубийство. Вскоре после раскопок Ядина, на том же месте начали проводить выпуски солдат танковых училищ. Там, в ходе церемонии, завершавшей каждый базовый курс, выпускники хором кричали: «Масада больше никогда не падет!» Как заметил Элон, такие «взывания к истории» на самом деле совершенно неисторичны. «Zeloty Масады, — писал Элон, — без сомнения выступили бы против современного «западного» и светского Израиля, так же, как в свое время они противились латинизации иврита».

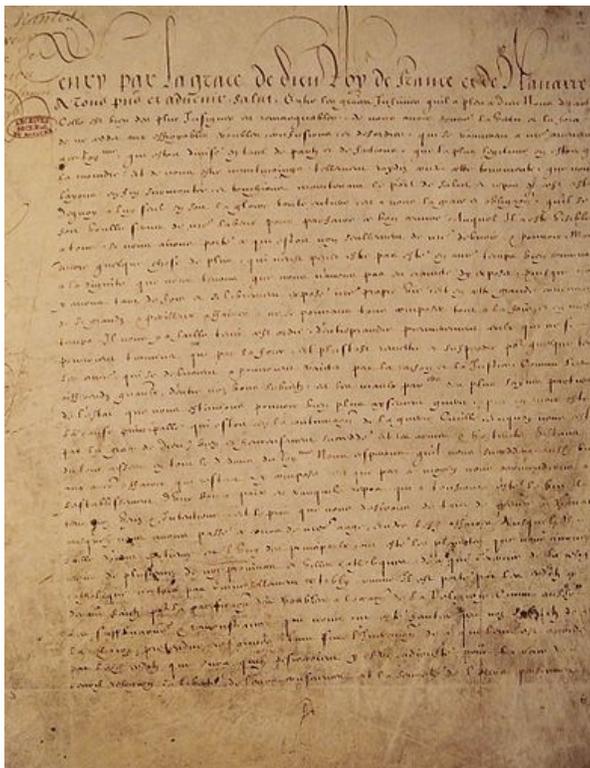
В 1963 году, выступая перед бойцами ЦАХАЛа, Ядин заявил: «Когда Наполеон в окружении своих войск стоял у египетских пирамид, он заявил: «Четыре тысячи лет истории смотрят на вас». Но он бы все отдал ради возможности сказать своим людям: «Четыре тысячи лет *вашей* собственной истории смотрят на вас».

Четыре тысячи лет истории. Как может эмпирический опыт соревноваться с этим? Если история и учит нас чему-нибудь, так это тому, что в политике, как и на войне, двойственность мыслей не свойственна людям: они отзываются на преданность и определенность.

Йосеф Йерушалми считал основной проблемой современности то, что ...люди не могут определиться, что нужно помнить, а о чем можно смело забыть. Но если любая реальная преемственность между прошлым, настоящим и будущим подменяется коллективными воспоминаниями о прошлом, которое не более реально, чем придуманные традиции, то необходимо изучить такие унаследованные нами пиететы, как память и забывание.

Король Генрих IV

Нантский эдикт

Отправной точкой может стать Нантский эдикт, изданный Генрихом IV в 1598

году, призванный положить конец религиозным войнам во Франции. Генрих просто-напросто запретил всем своим подданным, как католикам, так и протестантам, вспоминать об этом: «...Воспоминание обо всем, что произошло с той и с другой стороны с марта 1585 года до нашего коронавания и в течение других предшествующих смут, будет изглажено, как будто ничего не происходило».

Могло ли это сработать? Поскольку Генрих был убит в 1610 году католиком-фанатиком, выступавшем против эдикта, мы ничего не можем сказать с точностью. Но разве невозможно представить, что, если бы люди во всем мире тратили хотя бы толику той энергии, которую они тратят на то, чтобы забыть то, что они сейчас пытаются помнить, ситуация в самых худших местах нашей планеты стала бы немного лучше?

Будучи репортером во времена Боснийской войны, которая в значительной степени была подстегнута коллективной памятью, я носил с собой помятые и выгоревшие копии двух поэм Виславы Шимборской. В обоих произведениях эта гуманнейшая из поэтесс, сказавшая однажды, что ее любимой фразой является «я не знаю», смогла передать моральную необходимость забывания. Родившись в 1923 году, она пережила страдания Польши и под немецкой, и под советской оккупацией. Для нее, как и для многих людей ее поколения, каждый кусочек почвы ее страны и каждый камень на мостовой городов пропитан кровью, воспоминаниями самого трагического, невыносимого и разрушительного характера. И, несмотря на это, она писала:

Да, действительность требует,

чтобы сказать и об этом:

Жизнь продолжается.

и под Бородино, и под Каннами,

на Косовом поле и в Гернике.

То, что так просто и понятно формулирует Шимборская — это моральная необходимость забыть былое, чтобы жизнь могла продолжиться — как она и должна. Ведь все когда-нибудь закончится, даже скорбь. Иначе кровь никогда не высохнет, а конец великой любви станет концом самой любви. Как

говорили в Ирландии, много времени прошло с тех пор, как ссора перестала иметь какой-либо смысл, а обида все держится.

Дэвид Рифф (David Rieff), [The Guardian](#)

Публикуется в значительном сокращении